

Сказка «Луковка» и легенды о «том свете»

© Л. Л. ИВАШНЁВА,
кандидат филологических наук

Легендарная сказка разрабатывает проблемы греха и праведности, духовного обновления личности. В сказке «Луковка» и в аналогичных по сюжету легендах выражена идея необходимости милосердия и сострадания к людям. При сравнении легенд об обмиравших и анализируемой сказки показаны черты сходства и различия, обусловленные контекстом и жанровой спецификой произведений.

Ключевые слова: легенда, легендарная сказка, внутренний мир героя, смысловые и структурные трансформации, жанровая специфика.

Legendary tale develops the problems of sin, and of righteousness, of spiritual renewal of the individual. The idea of the necessity of mercy and compassion for people is expressed in the tale “The Onion” and similar in plot legends. When comparing legends about *obmirania* and analyze tales shows similarities and differences due to context and genre specific works.

Key words: legend, legendary tale, the character's inner life, the meaning and structural transformation, genre specificity.

Легендарная сказка [1, 2, 3] «Луковка», тип 804 (Грешная мать) по «Сравнительному указателю сюжетов» [4. С. 202] объединяется в одно художественное целое с сюжетным типом 471 («Христов братец/крестник» идет к Богу в гости) [Там же. С. 139]. Указанная контами-

нация обнаруживается в современной сказочной традиции Нижней Волги [5. С. 153–155]. Сказке «Луковка» в обеих ее частях присущи стабильность построения и устойчивый набор действующих лиц, однако это не семиперсонажная схема волшебной сказки, как она определена В.Я. Проппом.

Путешествие героя в иной мир и обратно – композиционный стержень данного повествования – имеет архаичную мифологическую основу. Эта инвариантная схема считается универсалией фольклорного сюжетосложения. Между тем в конкретных сказках и легендах архетипическая модель композиционной структуры варьируется, преобразуется, наполняется особым смыслом.

В волшебной сказке путь главного героя, как известно, организует ее структуру, раскрывает богатство сюжетных мотивов и персонажей, многообразии чудесных предметов и т.д. Путешествие в иной мир включает предварительное и основное испытание центрального персонажа и, в сущности, является путем духовного становления положительного героя волшебной сказки и приобретения им жизненно необходимых ценностей.

Легендарные сказки тоже событийны. Их сюжеты чаще всего строятся на фундаменте структурных элементов и блоков волшебной сказки. В то же время внутренний мир человека, его добродетели и пороки, жизнь как таковая в легендарной сказке, как и в легенде, выходят на первый план. Враждебное начало проявляется не во внешних обстоятельствах и фантастических силах, несущих гибель, угрожающих благополучию сказочных персонажей. Легендарная сказка разрабатывает тему зла, сосредоточенного внутри человека, и спасения его души. Ее интересует проблема греха и праведности, нравственного и духовного обновления личности.

В легендарной сказке «Луковка» из сборника «Народные сказки Нижней Волги» отчетливо выражена идея необходимости милосердия и сострадания в жизни людей. Во всех ее вариантах, как и в народных легендах о посещении «того света», наглядно, через развернутый сюжетный ход утверждается мысль о том, что с помощью вещи, которая когда-либо служила подаянием, милостыней, можно вытащить грешника из ада (из кипящей смолы, пропасти или огненной реки).

Сюжетообразующий мотив путешествия главного героя сказки «Луковка» в иной мир раскрывается иначе, чем в волшебной сказке. Центральный персонаж, добрый молодой человек, в праздник Пасхи разговляется со странником, постучавшим в окно с Иисусовой молитвой, и становится «Христовым братом». Побратимство, обмен крестами между главным героем и Богом в облике нищего старичка, другие знаки установления духовного родства – это устойчивый компонент завязки в произведениях данного сюжетного типа. Он органично вписывается в обширный контекст традиционных обрядов и верований.

Указанный структурообразующий элемент сказки «Луковка» имеет аналогии во многих жанрах русского фольклора и столь же очевидные переклички с календарной и родильно-крестильной обрядностью. «Крёстное» родство и другие формы духовного породнения людей являются фактами народной культуры и важными составляющими уклада повседневной и праздничной жизни. В астраханском варианте легендарной сказки побратимство осуществляется через обычай пасхального христосования. Не менее важен и ритуал совместной праздничной трапезы с идущим из глубины веков смыслом породнения ее участников.

Господь, посетивший сказочного героя в образе нищего странника, приглашает его на следующую Пасху к себе в гости. Вводится традиционный и по-своему оригинальный способ преодоления границы между этим светом и райскими обителями иномирного пространства – с помощью украшенного коня: «Когда вышли из церкви, правда, белый конь стоит, ды такой разрисованный весь. И он с жаной попрощался, сел, приехал туда. А там – ангелы и архангелы» [Там же. С. 154]. Нельзя не отметить, что путешествие героя сказки «Луковка» к Богу проходит быстро и беспрепятственно. Ему не приходится взбираться на неприступную гору, как в легенде, или преодолевать границу миров, как в волшебной сказке. Герой незаметно для себя оказывается в ином мире.

Однако чудесная помощь персонажу легендарной сказки тоже нужна. Бог присылает в сказке «Луковка» чудесного коня (иногда крылатого коня), посредника между земным и иномирным пространством. В других вариантах Бог подсказывает заветные слова, например, в легендарной сказке «Христов братец» из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды». Бог объясняет гостеприимному герою: «ступай по той дорожке; скажи только: благослови, Господи! – так и дойдешь до меня» [6].

Таким образом, устойчивый сказочный мотив отправки персонажа в путь на «тот свет» объясняется в анализируемом сюжете не тем, что главному герою необходимо найти невесту, диковинки, живую воду или молодильные яблоки, победить Змея либо другого антагониста. Он мотивирован правилами этикета: *Христов братец* приглашен в гости к Богу на праздничное пасхальное застолье. Господь в облике нищего старичка говорит главному герою: «Знаешь что, эту Пасху я у тебе разговлялся, а на будущую Пасху ты у мене будешь разговляться» [5. С. 154]. Однако на глубинном уровне текста «ответный визит» к Богу важен в сказке «Луковка» для того, чтобы акцентировать внимание на духовно-нравственных проблемах греха и праведности, посмертной участи души человека и ее спасения.

Мифологическое двоemiрие в легендарной сказке сохраняет сюжетообразующее значение. В то же время присущая волшебной сказке отчетливая маркированность границы миров, ее сюжетная оформленность в легендарной сказке размывается. Чаще всего в ней оказывается

утраченной осознанная необходимость для героя преодолеть грань реального и иного миров. В волшебной сказке путь положительного героя «туда и обратно», его пребывание в ином мире насыщены встречами с другими персонажами и чрезвычайно значимыми для конкретного сюжета событиями.

Кстати сказать, двоимирие как таковое имеет место в хронотопе мифа, былины, легенды и духовного стиха, заговора, сказки и мифологической прозы. Данная особенность фольклорной картины мира обусловлена тем, что в народных мифологических верованиях, в ритуальной сфере и в словесном творчестве сохраняют свою значимость фундаментальные идеи о видимой и метафизической реальности. Для народного религиозного мышления актуальны представления о явленной человеку действительности и о концептуально еще более значимом иномирном пространстве, о «жизни будущего века».

В кульминационных эпизодах легендарной сказки «Луковка», где показана попытка героя вызволить свою грешную мать из адского кипящего котла, обнаруживаются прямые аналогии с народными легендами об обмираниях и существенные различия между жанрами легенды и сказки. Обмирение – народный термин, обозначающий состояние летаргического сна: «умирать по виду, на время, оживая снова; впадать в обморок, в бессознательность, в бесчувственность...» (согласно словарю В.И. Даля). В этой же словарной статье приведена поговорка-обобщение: *«Кто обмирает, заживо на небесах бывает»* [7].

В легендах об обмиравших душа посещает «тот» мир по велению свыше и путешествует в иномирном пространстве сна с проводником (Николаем Угодником, Михаилом Архангелом, Богородицей и т.д.). Образ проводника занимает одно из ключевых мест в системе персонажей данной легенды. Он встречает душу и сопровождает ее в странствиях по аду и раю, снабжает сакральным знанием, отвечает на вопросы обмиравших, объясняет им смысл увиденного и т.д.

Отличительной чертой хронотопа легендарной сказки «Луковка» и народных легенд о побывавших на «том свете» в результате обмирования является идеализированное изображение райских обитателей и подробное описание мучений грешников в аду. Странствуя с Господом в иномирном пространстве рая и ада, герой сказки видит в кипящем котле свою грешную мать: ««Сынок, рятуй меня», – и руки растопырила. И вышел он оттуда такой зажурённый, зажурённый» [5. С. 154].

Опечаленный герой вступает в диалог с Богом. Из него выясняется, что всемогущий Господь оказывается здесь в затруднительном положении: «А что я сделаю? Она ведь жила – никому никогда не подала, никого не пожалела, никого не помиловала. За всю жизнь вот тету луку сотворила. На, – говорить, – иди вырятьуй». Перья лука были брошены грешницей «на первый день Пасхи» нищему старичку, странствующему

Богу, попросившему: «Сотворите милостыньку Христа ради» [Там же]. В этом сказочном эпизоде, имеющем явные параллели в легендах об «обмираниях», ключевую роль играет образ спасительной нити (это могут быть стебли луковицы, волосы, хвосты «котиков», которых «нельзя обижать», протянутая рука и т.п.). «Ну, он и пошел, нагнулся на коленочки: “Мамка, держися!” – Опустил тую лук. А все же там еще, не мать одна, еще хочуть. А она: “Уйдитя, тольки я одна вроде”. Оторвался лук, она и загудела» [Там же].

Фольклорная эстетика в легендарных сюжетах по-своему воспроизводит присущую Библии парадоксальную логику соотношений бесконечно малых и больших величин. Достаточно вспомнить веру с малое горчичное зерно, сдвигающую горы, лепту вдовицы и т.д. В народных легендах грешную душу может спасти невесомый платочек, когда-то поданный нищему: на чаше весов злых и праведных поступков он перевешивает тяжкие грехи.

Однако невозможно спасти того, кто, уже находясь в аду, не осознает своего эгоизма и бессердечия. Грешницу сказки «Луковка» не смогли подвинуть к каким-либо изменениям ее греховной сущности ни эсхатологические видения адских мучений неправедных душ, ни сам факт пребывания в огненной бездне. Одноплановости характеров, полярному противопоставлению положительных и отрицательных персонажей способствует также присущая любой сказке как жанру подчеркнутая контрастность в расстановке действующих лиц.

Драматизм сюжетной ситуации неудавшегося спасения грешницы усиливается тем, что ее можно было вытащить из адской пропасти – независимо от хрупкости и непрочности спасительной нити (в легендах встречаются такие сюжетные эпизоды). Систематизировав обширный материал, Н.Ф. Сумцов указал на отдельные произведения, где удается спасти грешницу [8]. Но гордыня, бездушие и агрессивность грешной матери сказочного героя по отношению к своему окружению отрицают все пути к перемене ее участи. У нее нет веры и, соответственно, нет возможности спасения, которая предопределена лишь изменениями во внутреннем мире персонажа. Аналогичные примеры встречаются в легендах об обмираниях письменной традиции [9].

В легендарной сказке «Луковка» и в народных легендах об обмиравших выявляются общие черты в характеристике действующих лиц и в хронотопе. Очевидно сходство на уровне темы и главной мысли разных по жанровой принадлежности произведений, общность их функциональной направленности. Между тем нельзя не обратить внимания на существенные различия в структуре легендарной сказки и легенды. Сюжетное действие эпизода спасения грешной души совершается в топосе ада (сказка) или в иномирном пространстве летаргического сна (легенда), то есть на «том свете» в его разных ипостасях.

При сравнении легенды и сказки крайне важно учитывать контекст произведения как целого, в который включен данный сюжетный эпизод. В легендах о побывавших на «том свете» эпизод спасения грешной души факультативен. Однако он органично входит в повествование, в описание картин ада легенды, но на правах вставного микросюжета. Между тем в легендарной сказке спасение грешной матери сыном – обязательный структурный элемент, имеющий сюжетообразующее значение. Он увязан с главной мыслью сказки «Луковка» о приоритетности духовного родства, о милосердии, о необходимости помогать ближнему в форме явной и тайной милостыни.

Неразрешимые противоречия между двумя поколениями персонажей, родителями и детьми, различны в конкретных проявлениях, но едины по своей сущности. Раскол в семье, разрыв родственных отношений между самыми близкими людьми происходит на почве противоположных ценностных ориентаций в духовной жизни действующих лиц. Состоятельные родители и их единственного сына разделяют разные представления о моральных и нравственных нормах взаимоотношений с окружающими людьми. Жизненной позиции сына активно противодействует *грешная мать*. В отдельных вариантах сюжетного типа «Христов братец» «злющей» хозяйке купеческого дома, немилостивой к беднякам, противопостоят главный герой и его отец.

Переходный тип текста между легендами об обмираниях и легендарными сказками обнаружен в публикации Г.С. Виноградова [10. С. 261–345], в легенде о *луковице* или в рассказе «о том, как сын мать охлопотал». Этот текст примечателен с разных точек зрения. Его начало содержит сходные со сказкой эпизоды, но они представлены в редуцированной форме. «Женщина копала в огороде. Пришел старичок и попросил луковочку: “хоть маленьку подай”, – говорит. Женщина отказывает, ее сын, шестилетний мальчик пристал к ней: “подадим, мама!” “Ну, ишо луковицу захотел...”, – ворчит мать. Мальчик настойчиво просит. Не могла мать отвязаться, подала старичку луковицу.

Вскоре мальчик умер – и пошел в рай. Потом умерла и мать, пошла в ад. Мальчик увидел ее в аду и стал просить Бога за мать. Упросил. Бог сказал ангелам, чтобы они привязали луковку к нитке и спустили ее в ад. Те так и сделали. Мать ухватилась за луковицу, стали ангелы тянуть ее за нитку. Уж много она поднялась, но стала отбиваться от других грешников, которые цеплялись за нитку (“дескать, гля меня луковка спушшена...”). Нитка порвалась, а она еще дальше в ад ушла.

Опять стал мальчик просить Бога за мать. Упросил. Опять ангелы спустили луковку на нитке, опять уцепилась женщина за луковку, а за нее другие грешники. Опять она стала отбиваться. Нитка порвалась – и еще глубже в ад ушла женщина. Опять мальчик просит Бога за мать. Еще раз получил позволение. Уж совсем близко (к выходу из ада) вытащили его

мать; только-только осталось руками зацепиться за край бездны, а она еще стала отбиваться от грешников. Нитка оборвалась – и она ушла на самое дно ада (Зап. от Е.А. В-вой)» [Там же. С. 316–317].

Данный текст уникален во многих отношениях. Положительным героем является в нем маленький ребенок, по традиционным представлениям, еще младенец. С поистине ангельским терпением он старается помочь матери. Не случайно Бог посылает ангелов в помощь главному герою. Лексический и анафорический повтор, прием эпического утращения раскрывает его положительные качества, доброту и мужество, целеустремленность в попытках спасти грешную мать. Вместе с тем троекратный повтор в развитии действия усиливает также звучание темы нераскаянного греха, несущего гибель душе человека.

Текст представлен в публикации Г.С. Виноградова «Легендой о луковке» и в то же время он назван *рассказом о сыне и матери*. Возможно, по сюжетной схеме и набору действующих лиц он ближе к легендарной сказке, но отдельные устойчивые компоненты ее структуры в данном тексте отсутствуют. В частности, герой легендарной сказки, как и легенды об обмираниях, в заключительных эпизодах возвращается в земной мир. В тексте Виноградова путь «обратно» невозможен, так как персонажи не посещают «тот свет», а пребывают в нем постоянно (после смерти). Тема неузнанного прибытия божества и сюжет «Христов братец» намечены, однако они не получили известной по другим публикациям разработки.

Таким образом, поведение персонажа в сказке «Луковка» и в легендах о побывавших на «том свете» определяется свойствами его характера, достоинствами и недостатками. Поступки антигероев, в частности грешной матери, исходят из их нравственных пороков. Путь к спасению души открыт для всех, однако необходимо осознанное стремление действующих лиц к новой жизни.

Рассмотренный сюжетный тип играет важную роль в становлении жанра легендарной сказки. Сюжет о грешнице и о милосердии был творчески использован Ф.М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Его концептуально важная глава не случайно обозначена народным термином «Луковка». Тем самым писатель подчеркнул значимость темы сострадания к грешной душе и в народной духовной культуре, и в идейном замысле романа.

Литература

1. Зуева Т.В. Древнеславянская версия сказки «Чудесные дети» («Первоплощение светоносных близнецов») // Русская речь. 2000. № 2. С. 97–103; № 3. С. 91–102.

2. *Иванова Т.Г.* От былички – к легендарной сказке (мотив «покойник, встающий из гроба» в русском фольклоре) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2008. Т. XXXIII. С. 3–27.
3. *Ивашнёва Л.Л.* Мотив предопределения судьбы персонажа в фольклорной прозе // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2013. № 2. С. 64–80.
4. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
5. Народные сказки Нижней Волги / Ред., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л.Л. Ивашнёвой. Астрахань, 1999.
6. *Афанасьев А.Н.* Народные русские легенды. Новосибирск, 1990. С. 57.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. II. Стб. 1540–1541.
8. *Сумцов Н.Ф.* Легенда о грешной матери // Киевская старина. Киев, 1893. № 5. С. 195–208.
9. *Чередникова М.П.* Письменная традиция обмираний // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2002. С. 233.
10. *Виноградов Г.С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. Восточная Сибирь, Тулуновский уезд, Иркутская губерния // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета. Иркутск, 1923. Вып. 5. Науки гуманитарные.

*Астраханский государственный
университет*